

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Марта 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11949.

МИНТАЮРЫ.

Радость жизни.

Сегодня все особенное, все таинственно-красивое, какъ кошечкины глаза.

Почему сегодня?

Я не знаю, но мнѣ очень хочется еще и еще чувствовать мою радость.

Если бы у меня было даже двѣстя тысячъ братьевъ, я каждому рассказывалъ бы о своей радости.

Мнѣ самому странно! Кажется, няня пришла, разбудила, отдернула занавѣски на окнахъ и улыбнулась. Все обычно.

Но она у меня бываетъ хитрая,—няня. Знаю, почему такъ лукаво улыбнулась.

Сегодня Богъ сдѣлалъ особенный день.

Я думаю, что и няня принимала въ этомъ участіе. Она очень умная старушка.

Вы чувствуете, какъ хорошо?

Земля—это большой, большой си-ній домикъ.

Сверху ангелъ проткнулъ палочкой крышу, и въ синій домикъ льется солнце, будто золотое молоко.

Пріятно дышать. Сладко Кажется, съ утра до вечера кушаешь малиновое варенье.

Да. И пришла къ намъ Веснянка. Я ее еще не видѣлъ. Няня видѣла, рассказывала.

Веснянка бѣленъкая, бѣленъкая, точно вымазана вся сметанкой.

Ножки у нея стройныя, какъ у лошадки, а пальчики тонкіе, словно бабушкины спицы.

Глаза—зеркальце; губы очень красныя, точно обрѣзались, и покрасилась кровь.

Милая Весняночка!

Дрожигъ немножко, точно напыженный голубокъ,—ей еще холодно у насъ. Одѣта она въ тонкую зеленую вуальку,—вуалька будто паутинка. Просвѣчивають круглые колѣни и напоминаютъ румяное яблоко.

Смотрю въ окно.

Садикъ чуть-чуть зазеленѣлъ. Рыжія курочки важно расхаживаютъ по двору, кричатъ, суетятся, ищутъ зернышекъ.

Пѣтухъ взобрался на опрокинутый боченокъ и горланитъ, изгибаю золотистую шею.

Мохнатый Перезвонъ сидитъ около будки на цѣпи. Положилъ около себя хвостъ полукругомъ и смотритъ важно, какъ баринъ.

Бабушкина кошечка тоже вышла погрѣться на солнышко. Но она привыкла къ комнатному удобству и теперь нашла себѣ самое аккуратное мѣстечко.

Горничная Даша разложила на скамьѣ коверъ провѣтриться. На немъ и пріютилась кошечка.

На кухонномъ порожкѣ Анисья чи-

стить судака, блестить чешуя, сыплется изъ подъ ножа.

Въ сараѣ двери широко распахнуты, и длинноволосый Никита экипажъ можетъ,—воды льетъ пропасть.

Какъ будто и раньше такъ было? Ну нѣтъ Я ясно вижу, что вмѣстѣ съ курочками бродить по двору и милая Веснянка.

Оттого и пѣтухъ такъ раскричался, Анисья выползла изъ кухни; оттого Перезвонъ такъ сладко жмурился и важничаетъ, какъ баринъ.

Красивое, грустное лицо. Пышные волосы заключали это лицо въ нѣжную рамку.

Подъ наброскомъ была странная подпись:

— „Niente“.

Ничто.

Холодное мертвое слово. Совсѣмъ сѣро, пугающее слово, и оно выглядѣло такъ странно рядомъ съ этой изящной прекрасной женщиной.

Можетъ быть, она умерла?

Тогда художникъ и написалъ свое печальное Niente?

Нѣтъ, она не умерла.

Рядомъ съ альбомомъ лежитъ зеленый листикъ почтовой бумаги, исписанный первымъ женскимъ пѣчеркомъ.

Листикъ свернулся, точно сморщился, но видно нѣсколько словъ:

„Вспомните, какъ вы цѣловали мои руки въ то...

Больше ничего не видно.

Цѣловаль руки—и это слово—
— Niente.

Какъ странно!

Художникъ думалъ:

„Развѣ я измѣнилъ? Нѣтъ, но вдругъ налетѣлъ вѣтеръ, все развѣяло, все убилъ, и остался только рисунокъ на бумагѣ.

Она была очень гордой. Она вѣрила, что постоянное пламя будетъ сжигать мою душу. Она совсѣмъ не умѣла беречь любовь. И вотъ случилось... Тамъ, гдѣ стояла наша хрустальная дворецъ, оказалась пустыня.

Слушаю сердце,зываю къ нему,—ни звука въ отвѣтъ. Даже великая любовь устаетъ.

Вѣтъ ея глаза, ея волосы, ея руки. Я говорю себѣ: „Это она“, но уже самъ не слышу этихъ словъ, уже не вздрагиваю отъ сумасшедшшей радости.

Стали совсѣмъ чужими ея глаза, ея волосы, ея руки.

Кто то другой рисовалъ.

Кто то другой такъ долго и такъ печально любилъ.

Она не берегла нашу любовь, какъ богачъ, которому давно надоѣло золото.

Онъ развернулъ письмо. Прочель его еще разъ и, читая, тихо покачивалъ головой.

Какія далекія слова!

Они шелестѣли подобно вялымъ осеннимъ листьямъ.

Она похоронена живой.

Что же дѣлать? Сердце имѣть свои странные, непоколебимые законы.

Ихъ нельзя измѣнить, какъ нельзя нарушить или перетасовать пути звѣздъ.

Одна принцесса умираетъ, тогда приходитъ новая, и всегда болѣе прекрасная, всегда болѣе чудесная.

Художникъ взялъ листъ почтовой бумаги и въ отвѣтъ написалъ краткое четырехстишие:

Я могу написать для тебя
Только пѣснь утомленія.

Анри Фабръ,

знаменитый естествоиспытатель и энтомологъ. Мраморная скульптура, работы Шарпантье. Статуя будетъ поставлена въ гор. Авиньонѣ, вблизи котораго проживаетъ престарѣлый ученый.

Отъ нашего корреспондента.

Niente.

Художникъ сидѣлъ въ своей мастерской. Передъ нимъ лежалъ раскрытый альбомъ съ отрывочными и бѣглыми карандашными рисунками.

Онъ не перелистывалъ страницы, но внимательно и грустно смотрѣлъ на одинъ изъ своихъ набросковъ.

Это была женщина. Тонкая и изящная, какъ гобеленовая маркиза. Она была одѣта въ легкое лѣтнее платье съ скромными маленькими цвѣточками.

Въ рукахъ она держала соломенную шляпку, отъ которой спускалась длинная лента.

Безъ любви, безъ
цвѣтовъ, безъ огня.
Будутъ эти мои пѣ-
снопѣнія...

Сонъ.

Мягкій широкій диванъ. На кругломъ столикѣ кофе въ красной чашкѣ съ золотыми блестками. Рядомъ длинная, дымящаяся трубка.

На окнахъ спущены черные тяжелые занавѣси.

Полумракъ. Проливается слабый невѣрный свѣтъ только коричневый бумажный фонарь.

Тишина. Кто помѣшаетъ теперь моей мечтѣ, мсему празднику?

Шумитъ вода. Пахнетъ смолой и гарью, мокрыми канатами и рыбой.

У пристани остановился старый корабль съ громадными черными парусами.

Я всхожу на палубу, слышу, какъ скрипятъ якорные цѣпи. Паруса надуваются берегъ исчезаетъ, шумитъ вода — и вотъ, уже безконечная дали предъ глазами.

Новое, особенное. Солнце—кусочекъ перламутра на небѣ, которое походитъ на черное дерево, волны желтые,—вырѣзаны изъ слоновой кости, а корабельные паруса —черный шелкъ.

Я самъ, будто фарфоровая статуэтка на этомъ драгоцѣнномъ кораблѣ, но статуэтка эта, разодѣтая въ китайские халаты, какимъ то чудомъ думаетъ и движается.

Ко мнѣ подходитъ другая фарфоровая фигурка и говоритъ:

„Цейлонъ“.

Эта фигурка куритъ, и все заволакивается дымомъ. Нѣтъ корабля, нѣтъ перламутроваго солнца.

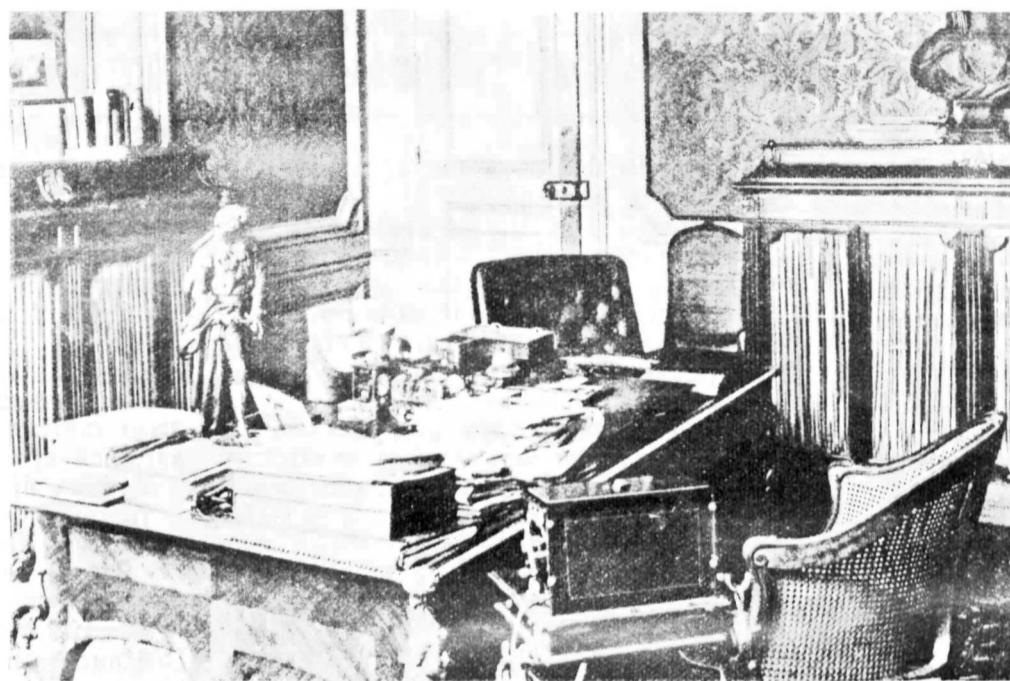
Мы сидимъ въ большой комнатѣ, устланной циновками.

На стѣнахъ узорная позолота, разноцвѣтные фонарики, и между ними диковинные маски, красные, золотые, коричневые; одни смыются, другія плачутъ, третьи смотрятъ строго и важно, точно жрецы.

По угламъ фантастически пестрые цвѣты, я чувствую, что ихъ лепестки наполнены ядомъ; я вдыхаю ихъ густой пряный ароматъ.

Разносятъ сладости, трубки и кофе туземки-прислужницы, въ широкихъ шелковыхъ одѣдахъ,—по блѣдно-голубому коричневый узоръ.

Убийство редактора „Figaro“.

Редакторскій кабинетъ въ редакціи „Figaro“ гдѣ былъ убитъ Кальметтъ.

Отъ нашего парижского корреспондента.

Телла передъ редакціей „Figaro“ во время производства дознанія судебными властями.

Отъ нашего парижского корреспондента.

Прислушиваюсь къ ихъ разговору. Въ немъ прорываются высокія ноты, похожія на крикъ попугая. Ловлю въ ихъ движеніяхъ и жестахъ отрывки священныхъ индійскихъ танцевъ.

Одна,—тоненькая и высокая, какъ сахарный тростникъ,—подходитъ ко мнѣ, привѣтствуетъ, словно господина, и я вижу ея загадочные, неподвижные эмалевые глаза.

Она садится около меня,—ворохъ голубого шелка съ коричневымъ узоромъ.

Я спрашиваю тихо:

— Ты знаешь, что существуетъ

Европа?

— ?

— Но можетъ быть ты слышала что-нибудь о Магометѣ, Конфуций, Христѣ?

— ?

Я задаю ей рядъ вопросовъ, но она только смеется въ отвѣтъ, тихо, тихо и когда смеется, гдѣ то вдали позваниваютъ серебряные колокольчики.

Смотрю въ ея загадочные эмалевые глаза, и мнѣ ясно одно,—она осталась такою же, какою были эти смуглѣлые люди и тысячи лѣтъ тому назадъ.

Чрезъ ея глаза, словно чрезъ таинственные ворота, я ухожу въ бездну вѣковъ.

Весь громадный новый міръ, который давить мой мозгъ,—для меня даже не сказка, не сонъ,—онъ просто не существуетъ.

И меня медленно будто дѣйствіе яда охватываетъ очарованіе незнанія, ея древней первобытности, ее тысячелѣтнихъ эмалевыхъ глазъ.

Величавое чудесное освобожденіе...

Черезъ нѣсколько часовъ войдетъ мой слуга, откроетъ окна унесетъ мою трубку и кофе.

И будетъ день,—слуганный, мучительный, преступный и главное, жалкій и ободранный, какъ послѣдній нищий.

Старинка.

Графъ де-Веронъ сообщилъ маркизѣ Биолеттѣ де Конфеленти.

„Je vous obéis. Ежели не обезпокою, хочу имѣть честь пріѣхать къ вамъ въ домъ, сего дня послѣ обѣда Сердце мое истомлено, однако же медлилъ пріѣхать къ вамъ, не будучи извѣщенъ о маркизѣ Конфеленти“. Маркиза отвѣтила:

„Ne vous donnez pas la peine... Не трудитесь, пожалуйста, себя извинять для того, что это такое дѣло, которое зависитъ отъ вашего учтивства, не могла писать, не могла исполнить мою должность, ради тѣхъ причинъ, о которыхъ вамъ донесу лично.

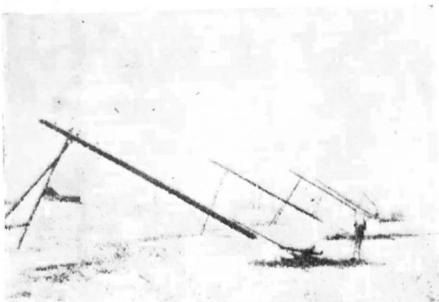
Много чести сдѣлаете и пріятности, ежели примете на себя трудъ пріѣхать“.

Графъ старательно облачился и вѣкарѣтѣ поѣхалъ къ маркизу.

Приняла она его въ голубой гостиной, гдѣ въ углу стояла Психея съ амуромъ, а на столикѣ съ бронзой—дымился чай,

Сама маркиза была въ бѣломъ платьѣ, цвѣточками, шея открытая съ венеціанской цѣпью на фонѣ кружева и прическа кверху, какъ у Полины Бонапарте.

ПОСЛЪ УРДГАНА.

На пути Дебальцево—Попасная.

У Кадиевского завода.

Снимки нашего корреспондента.

Присѣла, улыбнулась, протянула ароматную ручку.

Заняли мѣсто у столика.

—Что вы, государь мой, думаете о семъ чаю?

—C'est du thé beau... Это черный чай, мнѣ кажется. Нынѣ въ великой чести становится.

—Ахъ, довольно вѣдаю такой чай и другимъ предпочитаю!

—Добрые знатоки лучше всякаго другого чаю его ставятъ. Цвѣтомъ изряденъ и душистъ.

—Вы весьма учтивы. Ваша чашечка. Не изволите ли его напиться.

—Какая у васъ сегодня нарядность!

Платья бѣлые, а волосы въ Римѣ видѣлъ у Венеры Капитолійской. Повидимому, бѣлые цветы вамъ пріятны кажутся. Идетъ къ вамъ, о томъ не сумнѣваются и желалъ бы васъ постоянно видѣть.

—Комплиментщикъ! Къ учтивству и шутки прибавляете...

—Никогда! Отдаю вамъ надлежащую честь и не лишите меня тога удовольствія, чтобы вами любоваться.

—Любуйтесь, государь мой, въ самую пору безъ маркиза. На томъ вы меня очень много одолжите, ибо и мнѣ пріятенъ глазъ вашъ.

—Все въ вашей воли состоится. Потомъ говорили о тетушкѣ, что въ Руанѣ уѣхала, о слугѣ, который долго съ запиской мѣшкалъ, о пирожкахъ изъ миндалевыхъ ядеръ, дженовезскомъ бархатѣ и о различныхъ труб-

кахъ маркиза Конфеленти, причемъ графъ замѣтилъ извѣлилъ:

—Голландскія трубки очень вкусны и по большей части дѣлаются въ Гудѣ, откуда ихъ чрезвычайное множество вывозится, но на такой манеръ дѣлаются трубки и въ нѣмецкой землѣ.

О многомъ разсуждали. Графъ де Веронъ былъ премного счастливъ и домой ворочаясь сладко мечталъ.

Но маркиза крѣпко зашибла туфлей собачку свою и, слыша отъѣзжавшую графскую карету, прошептала съ насмѣшкой:

Совсѣмъ голландская трубка, понеже выкуривші никакой пріятности не остается.

Фениксъ.

СМѢСЬ.

Какъ боксеръ Джонсонъ расправился съ обидчикомъ своей жены.

Изъ Парижа сообщаютъ, что чемпіонъ бокса негръ Джекъ Джонсонъ произвелъ недавно расправу съ своимъ бывшимъ импресарио. Джонсонъѣхалъ съ своей женой въ автомобиль по rue du Faubourg. Автомобиль остановился передъ кафе, куда Джонсонъ зашелъ, чтобы напиться, а жена ждала его въ автомобилѣ. Въ это время случайно по улицѣ проходилъ бывшій импресарио Джонсона въ Америкѣ Гальви. Увидя госпожу Джонсонъ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ ей нѣсколько оскорбительныхъ словъ. Джонсонъ видѣлъ изъ окна наг-

лое поведеніе Гальви и выскочилъ на улицу вѣ себя отъ ярости. Однимъ ударомъ онъ сбилъ Гальви на землю. Ударъ былъ настолько сильный, что Гальви потерялъ сознаніе, а негръ бѣгалъ вокругъ него и билъ его ногами. Съ большимъ трудомъ восьми полицейскимъ удалось, наконецъ, удержать бѣсновавшагося негра, а двое другихъ полицейскихъ поспѣшили унести Гальви. Госпожа Джонсонъ съ интересомъ слѣдила за этой сценой. Когда Гальви плавалился на землю, она захлопала въ ладоши и стала поощрять Джонсона къ дальнѣйшимъ агрессивнымъ дѣйствіямъ.

Животные-футуристы.

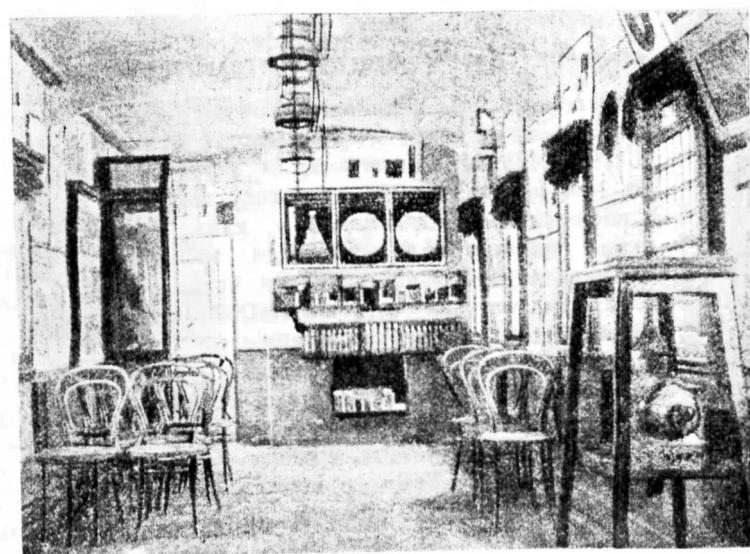
На главной площади швейцарского города Лозанны уже нѣсколько лѣтъ какъ появились голуби удивительно красивой, никогда еще невиданной окраски.

Орнитологи обратили на это явленіе вниманіе и нашли, что птицы принадлежатъ къ особой породѣ горлинокѣ, которую они назвали *Columba Lausanica*.

Одинъ учёный подробно списалъ эту породу и получилъ за свой трудъ дипломъ доктора естественныхъ наукъ. Парижская академія специально командировала цѣлую комиссию, которая представила докладъ, помѣщенный въ анналахъ одного учёного Общества.

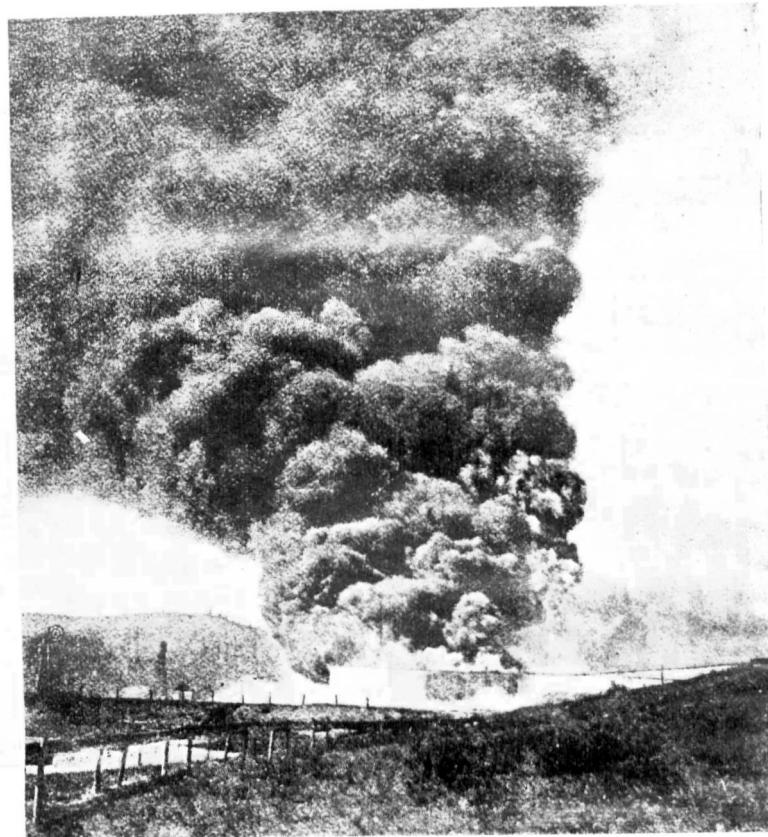
Можно себѣ представить изумление и негодованіе учёныхъ, когда въ той же Лозаннѣ на дняхъ появились собаки, громадные сенбернары и пудели, совершенно такой же окраски, какъ и лозаннскіе голуби!

Оказалось, что этимъ занимался какой-то художникъ, жившій близъ площади св. Франциска, который въ продолженіе чуть ли не десяти лѣтъ раскрашивалъ голубей анили-

Вагонъ—аудиторія.

Въ настоящее время по линіи Петербургъ—Москва курсируетъ вагонъ-аудиторія, снабженный диаграммами, свѣтовыми картинаами и анатомическими препаратами по вопросу о борьбѣ съ туберкулезомъ. Вагонъ находится въ вѣдѣніи специального врача, который читаетъ въ немъ лекціи для желѣзнодорожныхъ служащихъ. Какъ передаетъ «Огонекъ», по окончаніи этого объѣзда предполагается серія лекцій по алкоголизму, заразнымъ болѣзнямъ и т. д. Лѣтомъ вагонъ будетъ снабженъ экспонатами по пчеловодству и другимъ отраслямъ сель скаго хозяйства.

Пожаръ нефтяного бака и буровой вышки въ Грозномъ.

Заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ
К. А. Варламовъ.

Заслужен. артистъ Императорскихъ театровъ
В. Н. Давыдовъ.

Артистъ Императорскихъ театровъ
Ю. В. Корвинь-Крюковский.

КЪ СПЕКТАКЛЯМЪ 16 и 17 МАРТА.

Капельмейстеръ Мариинской оперы
Н. А. Малько,
дирижеръ З-го симфонического собрания
Х. О. И. Р. М. О. 17 марта.

новыми красками и морочилъ всѣхъ ученыхъ Европы!

Обязанности матери.

Леди Милькъ, известная суффражистка, близкій другъ г-жи Пэнгерстъ, возвращаясь какъ то вечеромъ изъ суффражистского клуба, увидѣла на улицѣ, сбрасванного мальчугана, безъ шапки, съ всклокочеными волосами, который дѣ-

лалъ изъ грязи шарики и бросалъ ими въ прохожихъ.

— Развѣ у тѣя нѣтъ дома? — спросила леди Милькъ.

— Есть! — отвѣтилъ мальчикъ.

— Есть любящіе родители?

— Есть, какъ же!

— И мама есть?

Мальчикъ усмѣхнулся и пробормоталъ:

— Ну, есть и мама. Что же дальше?

— Поди скажи своей матери, чтобы она завтра пришла послушать, какъ я буду читать объ „обязанностяхъ матери“. Завтра въ приходской школѣ. Понялъ?

— Да что съ тобой, мама? — воскликнулъ мальчикъ. — Развѣ ты меня не узнала? Вѣдь, я твой собственный маленький Милькъ!

Элеонора Дузе — благотворительница.

Элеонора Дузе рѣшила подарить артистамъ свою виллу въ предмѣстьи Италии, въ Порта Рементана, и устроить въ ней образовательный институтъ для сценическихъ дѣятелей. Такъ какъ ея вилла для этого цѣли нуждается въ нѣкоторой перестройкѣ, артистка выигрывала и на это капиталъ въ 10,000 лиръ. Свою обширную богатую библиотеку во Флоренціи Дузе рѣшила перенести въ одно изъ зданій, прилегающихъ къ виллѣ, и устроить центральную библиотеку для всѣхъ итальянскихъ артистовъ. Мучимая воспоминаніями о своихъ прежнихъ артистическихъ невзгодахъ во время гастролей въ разныхъ городахъ Италии и о „бытыхъ черныхъ дняхъ“, выпавшихъ на ея долю, Элеонора Дузе устраиваетъ во всѣхъ крупныхъ центратахъ Италии пріюты-убѣжища для тварищъ по давнѣо прошедшему, но не забытому несчастью. Въ бесѣдѣ съ однимъ виднымъ журналистомъ, она, какъ пере-

Б. В. Рюминъ.

По поводу 50-лѣтія научно-популяризаторской дѣятельности.

даетъ „День“, сказала: къ великому моему огорченію, я уже цѣлыхъ три года прикована къ постели жестокой болѣзни, чувствую, что не вернуться мнѣ болѣе къ моему любимому искусству. Хочу хоть этимъ небольшимъ дѣломъ проявить свое активное участіе во всемъ, что такъ или иначе связано со сценой. Слишкомъ много терпѣя было на моемъ пути, — тяжелымъ бременемъ легла на меня тридцатилѣтняя артистическая моя дѣятельность“.

